

ЛИТЕРАТУРА В НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

С. В. ЛЕНСКАЯ

*(Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
г. Киев, Украина)*

УДК 82-3
ББК 4426.839

ЗАБЫТАЯ УКРАИНСКАЯ МАЛАЯ ПРОЗА 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Послереволюционное десятилетие в украинской литературе, как и в русской, стало подлинной «точкой бифуркации» (Н. Лейдерман), ознаменовалось небывалым всплеском творческой энергии: в литературный процесс включились десятки молодых писателей, ищущих свою творческую индивидуальность, свой стиль и путь. Идеологическая разнонаправленность прозы коррелировалась с жанровым многообразием и стилистической пестротой. В статье проанализированы некоторые яркие образцы украинской новеллистики 1920-х годов репрессированных и незаслуженно забытых писателей, которые воплощают модернистские тенденции в литературном процессе первой трети XX века.

Ключевые слова: украинская литература «расстрелянного возрождения», малая проза, стилиевой синтез, модернизм.

Революционные события 1917 года стали подлинной «точкой бифуркации» (Н. Лейдерман) для всех народов, входящих в состав Российской империи. Социальное и политическое положение Украины усугублялось тем, что единый этнос был разделен между двумя империями – Российской и Австро-Венгерской. В связи с этим основополагающим вопросом в бурном потоке событий 1917 года была проблема национального самоопределения и воссоединения Центральной и Западной Украины в единое государство. Последующие события 1917–1920-х годов, когда в Украине пять раз менялась власть, а Киев переходил из одних политических рук в другие двенадцать раз, попытка построения независимого государства – Украинской Народной Республики – завершилась крахом и исходом национальной армии, интеллигенции, промышленной элиты в эмиграцию. Кровавая гражданская война и установление власти большевиков окончательно провели демаркационную линию как в административно-территориальном, так и в политическом расслоении украинцев.

«Точка бифуркации», понятие вошедшее в современные гуманитарные науки из теории синергетики, предполагает непредсказуемость и разнонаправленность дальнейшего развития неравновесной диссипативной системы. Общественные процессы являются своеобразной диссипативной системой, в которой периоды относительной стабильности сменяются нарастанием флуктуаций (непериодических колебаний) и бифуркационными всплесками, что приводит к изменению параметров и конфигурации всей системы, а далее аттракторы на некоторое время снова приводят систему в относительное равновесие [Точка бифуркации // <http://ru.wikipedia.org/wiki>].

Литературный процесс в Украине, как и в России и Беларуси, ярко отразил весь драматизм и накал политических страстей, бушевавших на территории рухнувшей империи. Мощный творческий импульс, каковым для украинцев стало провозглашение Украинской Народной Республики в 1917 году, привел в литературу новое поколение писателей, среди которых такие разные, порой противоположные по эстетическим устремлениям, художники слова, как символист и романтик Павло Тычина, «неоклассик» Микола Зеров, футурист Михайль Семенко, авангардист Гео Шкүрупий, барокковый экспериментатор Майк Йогансен, романтики Микола Хвильевой, Юрий Яновский, Александр Довженко, импрессионист Григорий Косынка, экспрессионисты Иван Днепроvский и Тодось Осьмачка, неореалисты Валериан Пидмогильный и Сергей Пилипенко, многие другие. В библиографический словарь «Десять лет украинской литературы (1917–1927)», составленный А. Лейтесом и М. Яшеком, были включены сведения даже о единожды напечатавшихся в периодике украинских писателях, – свыше 1400 имён! [Лейтес, Яшек 1927]. Другой источник, переизданный в последнее десятилетие, а ранее бывший библиографической редкостью, – антология Ю. Лавриненко «Расстрелянное возрождение» (1959) – представляет всего 44 портрета наиболее выдающихся писателей и теоретиков искусства. Ю. Лавриненко долгие годы собирал в диаспоре малейшие сведения о судьбах художников слова 1920-х годов и привёл такие статистические данные: в 1930 году в Украине активно печатались 259 писателей, после 1938 года их осталось 36 [Лавриненко 2001: 6]. Эти сухие цифры отражают масштаб трагедии национальной культуры, ведь к ним следует добавить навсегда исчезнувших университетских профессоров, историков, инженеров, врачей, которые образывали культурную почву и контекст духовного развития нации. Поскольку в Украине на протяжении всей гражданской войны и после её окончания доминировал лозунг «За советскую власть, но без коммунистов», а подавляющее большинство литерато-

ров были членами партий эсеров, меньшевиков, «боротьбистов», воевали в армии УНР, в петлюровской войске, неоднократно переходили от одной политической силы к другой, – всё это обусловило гонения и «чистки», завершившиеся арестами. Однако это было позже.

А после Февраля 1917 года в литературу хлынула молодая сила. Согласимся с С. Есениным, что «большое видится на расстоянии». Поэтому не возьмемся утверждать, что все из 1400 начинающих свой путь были равновесны по степени одаренности. Конечно, большинство было малообразованной молодежью, которая мечтала построить «новую жизнь» и «новое искусство». Сегодня заслуженно среди выдающихся мастеров художественного слова мы называем имена М. Хвильевого, Г. Косынки, Ю. Яновского, О. Вишни, В. Пидмогильного, Б. Антоненко-Давыдовича и других. Мощь их таланта, художественная оригинальность, яркая образность, выразительность стиля – все эти факторы навсегда поставили их произведения в «первый ряд» украинской литературы XX века.

Однако необходимо помнить и писателей так называемого «второго ряда». Их произведения также репрезентативны и необходимы для осмысления особенностей развития литературного процесса. Попробуем представить некоторых из них.

Одним из самых опытных «бойцов революции», «первых храбрых», был Василь Элан-Блакитный (наст. фам. – Эланский) (1894–1925) – поэт, журналист, публицист, редактор и организатор нескольких периодических изданий (журнала «Всесвіт» («Вселенная»), газеты «Вести ВУЦВК» с приложением «Литература. Наука. Искусство», «Червоний перець» («Красный перец»)), глава союза пролетарских писателей «Гарт». Он был одним из немногих из того поколения, кто избежал репрессий – ранняя смерть от болезни сердца унесла его на 32-м году жизни. Однако его активное участие в деятельности УНР, членство в партиях эсеров, а потом коммунистов-«боротьбистов», отстаивавших идею государственной независимости Украины, привело к тому, что в 1933 году «случайно» был разрушен памятник писателю, а посмертно он был вычеркнут из всех антологий и справочников, объявлен «бандитом» и «националистом», все его произведения были запрещены. Частично реабилитирован В. Элан-Блакитный был уже в 1957 году.

Он успел опубликовать лишь одну прижизненную книгу стихов – «Удары молота и сердца» (1920). В 1925 году вышла книга его малой прозы «Наши дни», состоящая из четырех этюдов («Наши дни», «Красная надпись», «Море», «Жара») и цикла «Человеческое», включающего 5 произведений. В этюде, вынесенном в заглавие сборника,

оригинально совмещены пространственно-временные планы (героическое революционное прошлое главного героя Ивана Сидоровича Клюкина – поимка им корниловского полковника – и серое настоящее с будничными и незначительными бытовыми хлопотами). В текст этюда включены элементы различных жанров и нарративных структур: реалистическое повествование композиционно обрамлено лирическими отступлениями, в него включены документы (газетная заметка об аресте в Германии группы фашистов, заявление Клюкина с просьбой командировать его туда для дальнейшей борьбы, а также выписка из протокола заседания оргбюро ЦК КП(б)У с решением оставить Клюкина на должности председателя райисполкома г. Н-ска). Деловой стиль документов оригинально дополнен публицистическим жанром газетной заметки и всё это включено в художественный текст. Динамичной является и нарративная структура произведения: лирическое отступление в начале и в конце («голос автора») контрастирует с ностальгическим воспоминанием Клюкина о былых победах («голос» главного героя) и «голосом повествователя» (который комментирует поведение председателя райисполкома: «Нет, всё-таки эти коммунисты от большого ума дуреют...» [Еллан 1925: 8]). С точки зрения стилевой доминанты данного этюда, наблюдается синтез реалистических приемов характеростроения с неоромантическими элементами – пафосно описано героическое прошлое, контрастирующее с невыразительным настоящим: «Ходит революция по серым кварталам, по заводам, по степям, по оврагам, балкам и по взгорьям. Носится из края в край, прячется, ныряет в серые будни, взрывается огнем то в одном, то в другом конце света, черкает красноватыми крыльями по земле, тревогой и вдохновением поит жаждающие уста наших дней» [Еллан 1925: 16]. Написанный в 1923 году этюд «Наши дни» отражает разочарование «романтика революции» В. Эллана-Бликитного в обыденности повседневной жизни. Вот такими, лишними и опустившими крылья, чувствовали себя уже в 1924–1925 гг. М. Хвелевой, В. Пыдмогильный, М. Кулиш, о чем свидетельствуют их многочисленные письма и дневниковые записи.

Интересна судьба другого талантливого писателя, лидера союза крестьянских писателей «Плуг» Сергея Пилипенко (1891–1934). Поскольку он неоднократно прямолинейно излагал позиции по вопросам дальнейших путей развития украинской литературы, альтернативные взглядам лидера ВАПЛИТЕ и наиболее харизматичного «властителя дум» и «законодателя мод» М. Хвелевого, С. Пилипенко был искусственно вычеркнут из литературного контекста дважды: расстрелян как «националист» и «враг народа» в 1934 году и забыт как оппозиционер

ВАПЛИТЕ в 1980–1990-е. Хотя канадский славист М. Шкандрий справедливо отмечал, что «Хвылевого, Блакитного, Пилипенко и других поборников объединяло гораздо большее, чем разделяло» [Шкандрий 2006: 259]. Выходец, как и М. Хвылевой, из семьи народного учителя, он получил хорошее гимназическое образование в Киеве, а затем увлекся изучением иностранных языков в Киевском университете, но был отчислен за революционную деятельность (с 1908 года принадлежал к партии эсеров). Принимал активное участие в военных действиях 1914–1918 гг. После двух революций 1917 года с головой окунулся в культурно-строительную работу: редактировал газеты «Більшовик», «Вісті», «Комуніст», «Селянська правда», трудился в издательствах ДВУ (Государственное издательство Украины) и «Космос» (при ЦК КП(б)У), «Книгоспілка». В 1922 году организовал и возглавил самую многочисленную писательскую организацию – «Плуг», где все с любовью и уважением называли его «Папашей», издавал журнал «Плужанин» и альманах «Плуг». Он был первым директором Института литературы при Академии наук (тогда – ВУАН). Несмотря на то, что в 1919 году С. Пилипенко стал членом Коммунистической партии, он был обвинен в контрреволюционных действиях и расстрелян в начале 1934 года. Реабилитирован в 1957 году.

В 1920-е годы известность С. Пилипенко принесли его остроумные и злободневные басни, в которых он высмеивал пороки пореволюционной действительности: тупоумие местечковых представителей власти, бюрократизацию общества, стремление обывателя к наживе и нежелание работать и т.п. Сборники «Байківниця. Чверть копи байок» (1922) и «Байки» (1927) разошлись на цитаты. Малая проза талантливого писателя была как бы отодвинута в тень, но с точки зрения сегодняшнего дня именно она составляет подлинную ценность его творчества. Сборники рассказов «Скалки життя» (1925), «Кара» (1927), «Любовні пригоди: п'ять оповідань» (1927), «Під Черніговом: три оповідання» (1927), «Тисячі в одиницях» (1928), «Коли батько плакав» (1930), «Острів Драйкройцен (3 військового щоденника 1916–1917 рр.)» (1930) охватывают действительность в самих разнообразных проявлениях. Поражает тематический и жанровый диапазон творческого поиска автора: он реалистично и жестко показывает ужас гражданской войны и бессмысленную жестокость оккупантов всех мастей по отношению к населению (психологические рассказы «За віщо? (3 щоденника сільської вчительки)» [«За что? (Из дневника сельской учительницы)»], «Коли батько плакав»), нежно-лирично, деликатно описывает стремление девушки-культурга обрести личное счастье: она просит малознамого молодого человека оказать услугу – помочь родить ребенка (соци-

ально-психологический рассказ «Товариська послуга» [«Товарищеская услуга»]). Интересны авантюрно-парадоксальные остроумные рассказы «Банда» (комендант сахарозавода Трясогуз насмерть перепугался, что на них напала банда Черного – оказалось, что это снималось кино), «Гріх» (о репетиции драмы В. Винниченко, которую бдительный рассказчик принял за контрреволюционный заговор), «Друзі дітей» (молодые супруги Марк и Олеся испытывают взаимное охлаждение и совершают попытку измены, но на свидании оказываются вместе) (С. Пилипенко использовал прием «комизма ситуации», как в знаменитой сцене в саду в комедии Бомарше «Женитьба Фигаро»). Особенно оригинальным является рассказ «Афарбіт» о чудодейственном средстве, делающем людей невидимыми. Научно-фантастический рассказ превращается в антиутопию, поскольку наглядно демонстрирует, каким образом человек распоряжается волшебным эликсиром – ворует, хулиганит, бьет прохожих. Как тут не вспомнить главную мысль трагикомедии М. Кулиша «Народный Малахий» (1927), что наиглавнейшей задачей современности является «реформа человека». На деле же – каждый старается урвать от жизни всё, что может, не думая о других, об общественном благе, об ответственности перед будущим.

Совсем коротким оказался жизненный путь ещё одного интересного и многообещающего писателя – Андрея Заливчего (1892–1918). Он родился на Полтавщине в бедной крестьянской семье, был внебрачным сыном харьковского банкира Рубинштейна. Отец помогал семье, и способный мальчик сумел с золотой медалью окончить 1-ю Харьковскую мужскую гимназию и в 1913 году поступить на юридический факультет Харьковского университета. Юноша был увлечен идеями социализма, активно боролся против отправки на фронт во время Первой мировой войны неблагонадежных студентов, за что был исключен из учебного заведения и осужден на вечную ссылку в Тургайский край (Казахстан). После Февральской революции 1917 года А. Заливчий возвращается в Украину, редактирует газету «Зеньковская народная управа», организует земельные комитеты на Полтавщине. Юноша был избран в Украинскую Центральную Раду, в ЦК Крестьянского союза, в 1918 году – председателем Полтавского губисполкома. Принадлежал к партии эсеров, позже примкнул к «боротьбистам» (правому крылу украинской коммунистической партии). Весной 1918 года готовил восстание против гетьмана Скоропадского в Житомирской, Полтавской и Харьковской губерниях. В декабре 1918 года по приказу Украинского военно-революционного комитета он возглавил антигетманское восстание в Чернигове, во время которого и погиб, заколотый штыками сторонников П. Скоропадского.

Единственная книга новелл А. Заливчего «3 літ дитинства» [«Из детских лет»] была опубликована посмертно, несколько раз переиздавалась (1924, 1929). Она состоит из десяти преимущественно бесфабульных этюдов – воспоминаний отдельных эпизодов детства: тяжелой болезни («Хворий»), детских страхов («Зарізяка»), сцен домашнего насилия («Родина» [«Семья»]) и голода («Їсти» [«Кушать»]), бытовые сценки в школе («У школі», «3 благородними дітьми» [«С благородными детьми»]), «Або церкви строїтимо, або нічого не стоїтимо» [«Либо будет церкви строить, либо будет ничего не стоить»]). На наш взгляд, наиболее интересной является первая новелла сборника «Так я себе пригадує вперше» [«Так я себя впервые вспоминаю»]. В отличие от реалистично-импрессионистической поэтики сборника, эта новелла имеет черты сюрреализма и символизма, которые столь не характерны для украинской традиции. Символизм не только не сложился в ней в сколько-нибудь стройную систему, но и представлен лишь отдельными элементами символистской поэтики в творчестве западноукраинских поэтов «Молодой Музы» (В. Пачовский, П. Карманский, Б. Лепкий и др.), а в 1920-е годы – в лирике П. Тычины (дебютный сборник «Солнечные кларнеты», 1918). В прозе же – это едва ли не единичный пример функционирования символистской поэтики. А. Заливчий строит нарративное полотно новеллы как воспоминание / сновидение, где символика отдельных образов усиливается общей таинственной атмосферой. Важную роль в художественном моделировании новеллы играет пейзаж: «Серая тьма вокруг. Воздух, кажется, состоит из черных и белых капель: эти капли дрожат, одни тихо спускаются вниз, другие поднимаются ввысь, без системы, без порядка...» [Заливчий 1924: 5]. Описание воздушных капель композиционно обрамляет повествование.

Сознание нарратора раздваивается: он вспоминает свои младенческие впечатления и переживает их как взрослый, то есть сливаются воедино два пространственно-временных плана – прошлое и настоящее. Примечательно, что если состояние «первооткрытия мира» (В. Стус) в лирике П. Тычины переживается мажорно-приподнято, пафосно, радостно, то свой приход в мир А. Заливчий маркирует в минорно-пессимистические тона (образ серости, охватывающий и пронизывающий пространство, капли, ассоциирующиеся не столько с языческой стихией воды, сколько со слезами, образы множества крестов, восходящих к мотиву страданий и тяжелых испытаний). Растворенная во времени и пространстве «душа мира» концентрируется в образе младенца. И совсем по-символистски звучит такой отрывок: «Я не человек с руками и ногами, и не зверь, и не нечто, подобное растению, – нечто неуловимое, бесформенное, бесцветное. Я вижу, не имея глаз, я

слышу, не имея ушей; я чувствую спазм души и тоску, не имея сердца, груди, я думаю без головы. Бесформенная человеческая масса со всеми человеческими ощущениями» [Заливчий 1924: 6]. Перед нами художественный образ человеческого до-сознания.

Полной противоположностью А. Заливчому является творчество «короля футуропрерий» Гео Шкурупия (1903–1937). Сын железнодорожника и сельской учительницы, он закончил 2-ю Киевскую гимназию и год учился на медицинском факультете Киевского университета. Дальше – работа в губком КП(б)У секретарем сельского хозяйственного отдела, служба на железной дороге. В 16 лет юноша начинает журналистскую деятельность. Он был членом различных авангардных группировок – «Комкосмоса», «Аспанфута» («Ассоциации панфутуристов»), вместе с М. Яловым и О. Слисаренко входит в АСКК («Ассоциацию коммунистической культуры», 1924–1925), а в результате идейных расхождений с лидером украинских футуристов М. Семенко примыкает к ВАПЛИТЕ. В это время выходят в свет один за другим сборники поэзии и прозы («Психоетози. Вітрина третя», 1922; «Барабан. Вітрина друга», 1923; «Жарини слів: вибрані поезії», 1925; «Переможець Дракона», 1925; «Пригоди машиніста Хорна», 1925, «Штаб смерті», 1926). Известность экс-панфутуристу принесли романы «Жанна батальйонерка» (1929) и «Мисс Андриена» (1931), он увлеченно работает над киносценариями и публицистикой. В 1930 году возглавил киевский филиал «Новой генерации» и работал редактором альманаха «Авангард». Нелепые обвинения в национализме и причастности к террористическим организациям привели к аресту писателя и расстрелу в декабре 1937 года.

Дебютный сборник малой прозы Г. Шкурупия назывался «Переможець Дракона» [«Победитель Дракона»] (1925) и состоял из семи произведений. Наиболее интересным с точки зрения стилистического синтеза, характерного для модернизма первой половины XX века, является рассказ, вынесенный в заглавие сборника. Сюжет довольно прост: китаец Лиу-Чи ценой собственной жизни спасает машиниста Хорна во время аварии на паровозе – закрывает его собой и погибает от ожога паром. Примечательна символика рассказа: Драконом молоденькому китайцу представляется паровоз, следовательно, Лиу-Чи становится его «победителем», когда заслонил Хорна. Предчувствие гибели, несчастья моделируется с помощью пейзажа, напоминающего образ ночи в поэме А. Блока «Двенадцать». Рефреном несколько раз повторяются лексемы «ночь» и «ветер», творя метафорическую картину разгула хаотических сил: «Ночь. Ветер. В черном воздухе происходит какая-то страшная сатанинская месса. Угольный порошок смерчами

кружится в воздухе, большие песчины дождем скребутся в окна сторожек. Фонари круглыми, бледными апельсинами блуждают в темном пространстве, танцуют под музыку неизвестных музыкантов. Феерическая ночь. Адская музыка» [Шкурупій 2013: 286].

Примыкал к футуризму в начале творческого пути ещё один интереснейший писатель – Олекса (Алексей) Слисаренко (наст. фам. – Снисар) (1891–1937). Выходец из разночинцев, он получил мирную профессию агронома, но также участвовал в сражениях Первой мировой войны. Горький военный опыт подтолкнул молодого человека к дезертирству в 1918 году. Он отправился в Киев, а затем в Харьков, где увлеченно занялся писательским трудом.

Творческий путь О. Слисаренко начал как поэт-символист, находясь под влиянием К. Бальмонта, А. Блока и других, издал дебютную книгу стихов «На березі Кастальському» [«На Кастальском берегу»] (1919). Он входил в киевские объединения символистов «Белая студия» и «Музагет», но скоро его творческие ориентиры сместились в сторону футуризма (под влиянием М. Йогансена), результатом чего стало издание «Альманаха трех» (1920) с произведениями М. Любченко, М. Семенко и О. Слисаренко. Однако вскоре писатель от стихосложения переходит к эпическим формам: в 1925 году выходит в свет книга рассказов «Сотни тысяч сил», он «становится одним из основателей “левой”, экспериментальной остросюжетной прозы» [Агеева 1990: 7]. Известность писателю приносят одна за другой изданные книги: «Камінний виноград» (1927), «Авеніта» (1928), «Алхімік» (1928), роман «Чорний ангел» (1929) и др. В 1931 году Слисаренко прибегнул к литературной мистификации – под псевдонимом Омелько Буц напечатал «Посмертное собрание починений». А смерть действительно оказалась близко...

О. Слисаренко примыкал к самым различным литературным организациям – союзу пролетарских писателей «Гарт», поддерживал М. Хвылевого в стремлении приблизить украинскую литературу к общеевропейским тенденциям и вывести ее на качественно новый художественный уровень вместе с ВАПЛИТЕ и Пролитфронтом, вместе с авангардистом М. Йогансеном основал «Техно-мистецьку групу А». Но «инакомыслие» О. Слисаренко, его симпатии к американской и европейской литературным традициям, хлесткое и острое слово – всё это привело к необоснованному обвинению, аресту в 1934 году и расстрелу в карельском Сандармохе 3 ноября 1937 года.

Малая проза писателя отражает его интерес к «маленькому человеку», оказавшемуся в гуще противоречивых событий. О. Слисаренко мастерски владел талантом строить головокружительные сюжеты, рас-

крывать в единой детали человеческую сущность его героев. Пережив увлечение символизмом, футуризм и экспрессионизмом, в прозе писатель избирает роль отстраненного, умудренного жизненным опытом рассказчика и использует выразительные средства классической реалистической традиции. Критически относясь к революции как способу преобразования человека, О. Слисаренко иронично раскрывает ограниченность новых «хозяев жизни» в рассказах «Президент Кислокапустянской республики», «Запаловской истории», в романе «Черный ангел».

Главный герой «Запаловской истории» Яшка Перец был самым заурядным обывателем: «Времена настали бурные. Великие армии двигались во всех направлениях. ... Долгое время Яшка был в этом глухом углу единственным представителем Советской власти. Не было у него талантов организатора или политического деятеля, но имел он хорошо наметанный глаз и нюх, и при необходимости исчезал незаметно и бесследно» [Слисаренко 2011: 97–98]. Однажды «комнезамовец» попался одному из многочисленных бандитов, прячущихся в лесах. В тяжелой ситуации Яшка не растерялся: посулив крестьянам щедрое вознаграждение, он собрал небольшой отряд и разгромил банду Чухрая. Разочарование автора в современности звучит в горьких словах концовки рассказа: «Героическая эпоха миновала, а героизма самого Яшки не хватит, чтобы постоянно светить зарей на историческом небе» [Слисаренко 2011: 109].

Уже в середине 1920-х годов в среде творческой интеллигенции всё чаще звучало разочарование в результатах революционных преобразований: политика непа воспринималась неоднозначно, бюрократизация государственного аппарата сопровождалась формированием двойной морали – декларацией революционного аскетизма и стремлением советских чиновников всех рангов к привилегиям и материальным благам. В «Черном ангеле» О. Слисаренко в образе Карлуги выразил собственные горькие размышления: «...власть – это такая вещь, от которой редко кто отказывается добровольно. И неужели вы думаете, что пролетариат, получив власть, не захочет в своих человеческих слабостях использовать её? Или пролетариату не захочется жить в роскоши? Неужели он такой святой, ваш пролетариат, что вопреки своим, как вы говорите, “классовым интересам” станет по-братски делить всё добро, что досталось ему вследствие захвата власти?» [Слисаренко 2011: 639].

Мы коснулись лишь нескольких литературных имен. К сожалению, до сих пор многие интересные с исторической и художественной точек зрения книги 1920-х годов не переиздавались, часть безвозвратно утеряна в годы репрессий и войны с фашизмом. Но удивительно,

как созвучны во многом сегодняшнему дню мысли и чувства, выраженные на давно пожелтевших страницах. Без должного изучения даже самых неприметных творческих личностей невозможно воссоздать и осмыслить картину национального литературного процесса XX века. Поэтому поиск продолжается.

ЛИТЕРАТУРА:

Агеєва В.П. Олекса Слісаренко: До 100-річчя від дня народження. – К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. – 48 с.

Еллан В. Наші дні. – Х.: ДВУ, 1925. – 33 с.

Заливчий А. Зарізяка. – Х. ДВУ, 1924. – 30 с.

Лавріненко Ю. Розстріляне Відродження: Антологія 1917–1933: Поезія – проза – драма – есей / [упоряд., передм., післямова Ю. Лавріненка; Післямова Є. Сверстюка]. – К.: Смолоскип, 2002. – 984 с.

Лейтес А., Яшек М. Десять років української літератури (1917–1927) / [за заг. ред. С. Пилипенка]. – Х.: Держвидав України, 1928. Т. 1. – 672 с.

Пилипенко С. Вибрані твори / Сергій Пилипенко; [упоряд., передм., прим. Р. Мельникова]. – К.: Смолоскип, 2007. – 887 с. – (Серія «Розстріляне Відродження»).

Слісаренко О. Вибрані твори / [упоряд. В. Агеєва]. – К.: Смолоскип, 2011. – 872 с. – (Серія «Розстріляне Відродження»).

Точка бифуркации: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Точка_бифуркации.

Шкандрій М. Модерністи, марксисты і нація. Українська літературна дискусія 1920-х років / Мирослав Шкандрій / [пер. з англ. М. Климчука]. – К.: Ніка-центр, 2006. – 384 с.

Шкурупій Г. Вибрані твори / [упоряд. О. Пуніна, О. Соловей]. – К.: Смолоскип, 2013. – 872 с. – (Серія «Розстріляне Відродження»).